

ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ

Сквозь тайгу

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
А85

Арсеньев В.

А85 Сквозь тайгу : [повесть] / Владимир Арсеньев. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 145 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-04649-9

Владимир Клавдиевич Арсеньев — один из самых известных и отважных исследователей Забайкалья и Дальнего Востока. Он совершил более десятка пеших экспедиций, прошел сотни километров по бескрайним таежным просторам и горным кряжам Уссурийского края и Сихотэ-Алиня. Но во всех своих походах помимо научных дневников Арсеньев обязательно вел личные записи — зарисовки, этюды, впечатления. Именно из этих записей и родились позже его знаменитые произведения, в том числе «Сквозь тайгу».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-04649-9

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Глава 1 Сборы и отъезд

Вопрос о географическом обследовании Уссурийского края в границах Нижний Амур — озеро Кизи, Татарский пролив и река Хор был поднят еще в 1908 году. Тогда Приамурским отделом Русского Географического общества была снаряжена экспедиция под моим начальством, работавшая подряд в течение двух лет в северной части горной области Сихотэ-Алинь.

В 1926 и 1927 годах было решено снарядить ряд специальных экспедиций с заданиями осветить бассейны рек Хора, Анюя, Копи и Хади в дендрологическом, геологическом, экономическом и колонизационном отношениях. В ноябре 1927 года Дальневосточное районное переселенческое управление предложило мне организовать экспедицию по маршруту г. Хабаровск — Советская Гавань с целью выяснить, что представляют собой в колонизационном отношении местности, тяготеющие к проектируемой железной дороге. На эту экспедицию было ассигновано 12 000 рублей, и выступление ее предполагалось ранней весной, как только спадут снега и вскроются реки.

Так как путь экспедиции должен был пролегать по местности совершенно пустынной и безлюдной или только изредка касающейся границ обитания туземного населения внутри страны, то он мог быть выполнен лишь при наличии питательных баз, заранее устроенных в верховьях рек Тутто, Хади, Копи, Анюя, Хора, Пихцы, Мухеня и Немпту. Завоз грузов на эти базы предполагалось произвести заранее, пока реки были еще скованы льдом и име-

лось нартовое сообщение; но вследствие недоразумений деньги переведены были в мое распоряжение лишь в конце апреля. Только с этого момента экспедиция фактически приступила к снаряжению в далекий путь.

Однако время было упущено, реки вскрылись ото льда, и потому завоз грузов на питательные базы надо было производить на лодках, что было несравненно труднее и стоило значительно дороже.

Экспедиции в пути надлежало перейти четыре горных хребта, где возможно было встретить большие каменистые россыпи, предстояли переправы через быстрые горные реки с высокими обрывистыми берегами и через зыбучие болота. Поэтому я решил отказаться от вьючных животных и весь маршрут построил так, что две трети пути мог пользоваться лодками, и только через водоразделы из одного бассейна в другой мы должны были идти пешком с котомками за плечами.

Надо сказать, что в это же время и в тех же местах по изысканию железнодорожного пути работали две партии. Одна под руководством инженера путей сообщения Н. Н. Мазурова, другая возглавлялась инженером Н. М. Львовым.

Первоначально я предполагал идти от Хабаровска на Советскую Гавань и в состав экспедиционного отряда пригласил профессора-ботаника В. М. Савича и сотрудника Хабаровского краевого музея А. И. Кардакова.

Позднее ассигнование денег вынудило нас перестроить весь маршрут в обратном порядке и разделиться на два отряда. В. М. Савич со студентами К. К. Высоцким, Г. И. Каревым и Г. П. Гончаровым должен был произвести обследование верховьев рек Немту, Мухеня и Пихцы, затем перевалить на реку Хор и спуститься по этой последней до Уссурийской железной дороги. Я же с А. И. Кардаковым и студентом-геоботаником Н. Е. Кабановым должен был начать свое путешествие от Советской Гавани, идти вверх

6 по реке Хади к истокам реки Копи, потом через хребет

Сихотэ-Алинь на реку Анюй, затем перейти на реку Хор, а с Хора на Пихцу и держать курс на г. Хабаровск. Словом, пока я буду работать на восточной стороне Сихотэ-Алиня, В. М. Савич тем временем устроит в указанных местах три питательные базы.

Сообразно этому плану и денежные средства были распределены на три части: 1000 рублей оставлена заброшенной для отчетных камеральных работ по возвращении экспедиции в г. Владивосток; мой отряд, совершивший весь маршрут от моря до реки Амура, располагал 7060 и отряд В. М. Савича — 4545 рублями.

Маршрут от г. Хабаровска к Советской Гавани можно было начинать в любой день. Это направление давало целый ряд преимуществ, от которых мы теперь вынуждены были отказаться. Путешествие от моря к Хабаровску зависело не только от расписания пароходных рейсов, но и от других причин, которые никто не в силах предвидеть заранее.

Казалось, будто все наладилось, но вдруг совершенно неожиданно выплыла новая неприятность. Совторгфлот грузы экспедиции вместо Советской Гавани заслал на остров Сахалин. Ничего более не оставалось, как дожждаться их возвращения в г. Владивосток, чтобы со следующим рейсом самому доставить их куда следует.

Обязанности между участниками экспедиции распределились следующим образом. Лично я взял на себя руководство экспедицией, подготовительные, организационные и ликвидационные работы, производство маршрутной съемки и обследование пути в колонизационном и естественноисторическом отношениях. А. И. Кардаков выполнял все поручения, связанные со званием помощника начальника экспедиции. Кроме того, на него же были возложены обследование охотничьего и промыслового хозяйства туземцев и фотографическая съемка в пути. Н. Е. Кабанов собирал гербарный и почвенный материал и вел наблюдения по своей специальности.

Кроме научных сотрудников в состав экспедиции еще входили туземцы. Я умышленно взял только одних орочей, потому что они знали хорошо окрестности и служили одновременно рабочими и проводниками, умели долбить лодки и управляться с ними на перекатах, снабжали рыбой и мясом всех участников экспедиции. Ныне, оглядываясь назад, в прошлое, я вижу, что поступил правильно. Во время наводнения многие экспедиции потерпели аварии, только в моем отряде не было несчастий, и мы благополучно дошли до Хабаровска.

Я взял сначала девять туземцев. Трех я вернул еще с реки Тутто, двое должны были сопровождать Н. Е. Кабанова при спуске по реке Копи, а остальные четверо — Прокопий Хутунка, Федор Мулинка, Александр Намука и Сунцай Геонка — совершили со мной весь маршрут. Последние два работали со мной еще в 1907, 1908 и 1909 годах и имели награды от Русского Географического общества.

По окончании экспедиции из Хабаровска в г. Владивосток они были отправлены по железной дороге, а затем на пароходе Совторгфлота к месту своего жительства в Советскую Гавань и на реку Нахтоху.

В пути мы должны были пересечь пять горных складок и, следовательно, все имущество (походное, научное, личное) и продовольствие нести на себе в котомках. Поэтому с собой взято было только то, без чего никак обойтись нельзя. Все лишнее отброшено: был взвешен каждый золотник и учтена всякая мелочь.

Научное снаряжение состояло из: фотографического аппарата, секундомера, буссоли Шмалькальдера, пикетажных тетрадей для съемок, дневников, гербарной папки, бумаги, маленькой рулетки, половинки небольшого бинокля, барометра-анероида, термометра-праща, термометра для воды, минимального термометра, небольшой шанцевой лопатки, маленьких монолитных ящичков для образцов почв, почвенных мешочков, фотографических

пластинок, ботанических ножей, цветных и обыкновенных карандашей, резинок и т. д.

Бивачное снаряжение составляли: комарники-палатки (по одной на научного работника и по одной большего размера на двух рабочих), тенты для защиты их от дождя, три алюминиевых котелка, входящих один в другой, с крышками (чайников не брали вовсе), козьи шкурки как подстилки для спанья, три топора и пр.

Походным снаряжением были: легкие дождевики, куски клеенки для укрытия котомок от дождя, сигнальные ракеты, веревки для увязки тех же заблудившихся людей, острога, инструменты для долбления лодок (упала). Сюда же надо отнести огнестрельное оружие, состоящее из одной магазинной винтовки и одного дробового ружья, патронташи, запас пороха, дробы, ружейных гильз и инструментов для снаряжения, патронов, рыболовные удочки, блесны и т. п.

Личное имущество каждого участника экспедиции состояло из: легкого одеяла, двух смен белья, запасной пары унтов, полотенца, которое было использовано для лямок к котомке, мыльницы с мылом, зубной щетки, гребенки, игольника с нитками, кусочков материи для заплат и прочей мелочи.

Все имущество без исключения — как то, что отправлялось на питательные базы, так равно и то, что мы везли с собой, — было уложено в жестяные банки, запаянные и укупоренные в ящики керосинового типа. Такая упаковка очень удобна. На базах продовольствие предохраняется от расхищения грызунами, большие звери тоже боятся шума, издаваемого жестяными банками, да и в походе в ненастную погоду оно не нуждается в укрывании брезентами. На базах груз хранился в особых амбарчиках на сваях, сделанных из накатника и крытых древесным корьем. Места для баз были заранее указаны. Пройти мимо них мы не могли. Туземцы по целому ряду мелких, едва заметных признаков сразу определяли их местонахождение.

Первого июня я закончил последние формальности, подал телеграммы и в три часа дня взошел на пароход «Син-пин-ган». Когда окончилась погрузка лошадей для геологической экспедиции, направляющейся на остров Сахалин, были уже полные сумерки. Накрапывал дождь... В 9 часов вечера «Син-пин-ган» снялся с якоря и вышел в море. Несмотря на ненастье, пассажиры еще долго находились на палубе и любовались Владивостоком, который при вечернем освещении действительно имел эффектный вид. Дома города, расположенные по склонам гор, взбирались до самых вершин, отчего все сопки казались иллюминированными. Множество огней как бы повисло в воздухе; они расходились, перемещались, сливались вместе и все разом отражались в черной воде.

Когда «Син-пин-ган» вышел из бухты Золотой Рог, красивая панорама исчезла и пароход очутился в непроливаемой тьме. На небе не видно было ни звезд, ни луны; шел мелкий дождь. При слабом свете, который вырывался из иллюминаторов и люков, виднелись иногда темные силуэты матросов, проходивших по мокрой палубе, и вахтенный начальник на капитанском мостике. Утомленный за день, я спустился в свою каюту и постарался забыться сном.

На пароходе былолюдно и тесно, а в каютах душно. Поэтому, как только стало светать, я оделся и вышел на палубу.

Первое, что мне бросилось в глаза, были чистое, безоблачное небо и широкая гладь спокойного моря. «Син-пин-ган» шел вдоль берега, держа курс к северо-востоку. Я сел на скамейку и стал любоваться картиной, которая развевалась подобно длинной панораме. Вдали виднелись задернутые дымкой зубчатые кряжи гор, прорезанные узкими долинами. К востоку от них тянулись длинные отроги, падающие в море отвесными скалами. Это типичный «продольный» берег, который тянется на многие сотни километров в направлении от юго-юго-запада к северо-се-